

О.Б. Бубенок

ЛЕГЕНДЫ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ЧЕРКАССЫ: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Происхождение названия города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра, всегда вызывало интерес у историков. Это было связано с тем, что топоним по форме напоминал этноним *черкес*, имеющий отношение к адыгам Северного Кавказа. Однако сложность решения вопроса состояла в том, что в документах название города начало фигурировать лишь с XVI в. Интерес к данной проблеме был обусловлен еще и тем, что в XVI–XVII вв. название *черкасы* использовалось для обозначения украинцев Поднепровья. Именно это и породило в среде исследователей различные мнения, для которых был присущ как крайний скептицизм, так и уверенность в достоверности легенд, встречающихся у историков прошлого.

Приверженцы первого направления полностью отрицали связь топонима и названия части украинцев с этнонимом Северного Кавказа. Обычно при этом исходили из того, что названия *черкасы* и *черкесы* – это не одно и то же. Поэтому следовал вывод, что истоки термина *черкасы* следует искать в славянской среде. Находились и такие исследователи, которые видели в этом названии и иранские корни. Однако приверженцы этого мнения не обратили внимание на то, что в XIII–XV вв. на Северном Кавказе не был известен термин *черкесы*, а для обозначения народа Северо-Западного Кавказа в это время использовался лишь этноним *черкасы*. И что важно, скептики так и не представили убедительной альтернативной версии относительно обстоятельств основания города Черкассы и распространения в позднем Средневековье среди украинского населения аналогичного названия.

Приверженцы же второго направления, наоборот, верят в связь среднеднепровского названия *Черкассы* с названием адыгов Северного Кавказа. Идея о том, что сюда могли переселить адыгов из Северного Кавказа правители Золотой Орды в конце XIII – начале XIV в., была очень популярна среди историков XVIII–XIX вв. (В. Татишев, А. Шафонский, И. Болтин, Д. Бантыш-Каменский, А. Ригельман). Необходимо отметить, что эта гипотеза является больше историографическим курьезом XVIII в. и не подкрепляется никакими ссылками на исторические источники. Но она была настолько популярна среди историков XVIII–XIX вв., что даже послужила основанием для написания нескольких десятилетий назад В.Ф. Горленко большой статьи историографического характера “Об этнониме Черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в.” [Горленко 1982, 96–107]. Из современных украинских исследователей, кроме В.Ф. Горленко, в возможность такой миграции верил также А.С. Стрижак [Стрижак 1968, 83] и некоторые другие ученые. Данная гипотеза, по понятным причинам, нашла немало приверженцев на Северном Кавказе, особенно среди исследователей адыгского происхождения. Так, кабардинские лингвист Дж.Н. Коков и историк Н.Л. Шафиев даже не сомневаются в том, что город Черкассы на Днепре был основан переселившимися сюда из Кавказа адыгами-черкесами [Коков 1966, 156–157; Шафиев 1968, 32–33].

Однако и второй подход имеет немало слабых мест. Во-первых, существуют разночтения о дате основания Черкас: от второй половины XIII в., в период господства Ногай, и до середины XIV в., начала литовского господства в Среднем Поднепровье. Во-вторых, что весьма важно, существует значительный хронологический разрыв, около 150 лет, между первым упоминанием крепости Черкассы в документах и временем, к которому относятся описанные события. Сами составители документов и текстов хро-

ник представляли собой историков, подверженных идеологическому воздействию и домыслам. Поэтому данная проблема представляет собой больше событие в историографии, чем направление источниковедческих исследований. Следовательно, попытаемся проследить в диахронии, как данный сюжет об основании города Черкассы получал с течением времени распространение среди историков.

Наиболее раннее упоминание о городе Черкассы содержится в Супрасльской летописи, написанной в первой половине XVI в. и представляющей собой литовскую хронику. Летопись состоит из трех частей. Первая из них, озаглавленная “Избрание летописания изложено въкратце”, содержит данные общерусского характера. Затем следует отрывок из Повести временных лет на 10 строчках, и далее без заголовка начинается часть, посвященная, главным образом, великому князю Витовту (около 1350–1430 гг.). В этой части для нас особый интерес представляет первое известное упоминание г. Черкассы, которое исследователи обычно датируют 1395 г.: “Тои же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручии, и приѣха к нему князь Волидемѣр. Того жь лѣта на осен князь виликки Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиригаила. Самь же князь великии Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомь и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божиею помощью, великого князя Витовта повелениемъ взя Черкасы и Звинигород и возовратися паки ко Киеву” [Супрасльская... 1980, 65]. Если учитывать, что между временем создания Супрасльской летописи и описанными событиями прошло не более 150 лет, то вряд ли можно сомневаться в том, что в конце XIV в. крепость Черкассы уже существовала.

Второй известный нам документ также имеет литовское происхождение и уже сообщает об обстоятельствах возникновения крепости Черкассы. Речь идет об одной из люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г., где сказано: “Початокъ Черкасовъ и Канева. Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкассы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днепре, где теперь Черкасы сидять, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Северскимъ уходить не престали” [Архивъ Юго-Западной Росіи 1886, 103]. Весьма характерно, что на противоположном от г. Черкасс левом берегу Днепра, на берегу р. Снепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует с. Пятигорцы.

Существует также мнение, что город Черкассы был основан задолго до правления Гедимины. Основанием для этого служит сообщение Воскресенской летописи, составленной уже в конце XVI в., что еще более осложняет решение проблемы. В Воскресенской летописи под 1152 (6660) г. сказано: “В лето 6660. Изяслав Мстиславич съвокупися с Давыдовичем Изяславом и Святославом Всеволодовичем, и шедше розведоша Городок Юрьев и пожгоша его; церковь же бе в нем святого Михаила камена, а верх ея древом нарублен, и то с горе. Того же лета посла Изяслав сына своего Мстислава в Ляхы и во Угры, вабя их на Володимерка Галичъскаго, Ляхове же не идоша, а Угри поидоша. И поиде король с Угры и со Мстиславом Изяславичем, посла же король ко Изяславу, река: “отче! Кланяю ти ся; прислал еси ко мне про обиду Галичъскаго князя, и яз ти zde уже пошел, а ты поиди часа того, и не положим того на себе, но нас как с ним Бог исправит”. Изяслав же то слышав, скопя свою дружину поиде, поима с собою Вячеславль полк весь, и все Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы...” [Воскресенская... 1856, 56].

Некоторые исследователи склонны более доверять сообщению Густинской летописи, датированному 1305 г. (?): “Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы, Путивль, Брянско и Волынь...” [Густинская летопись 1843, 348]. В связи с этим А.С. Стрижак не сомневался в том, что г. Черкассы был основан до 1305 г., т.е. в XIII в. [Стрижак 1968, 83].

Однако в данном случае смущает дата описанного события – 1305 г., ибо в этом году Гедимин еще не был литовским князем. Кроме того, Густинская летопись была написа-

на лишь в начале XVII в., и, следовательно, хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нем в документе – более 300 лет, что ставит под сомнение предложенную дату основания города.

Уже в XVIII – начале XIX в. обстоятельства основания г. Черкассы стали объектом научных интересов историков Российской империи. Зачастую это диктовалось идеологическими соображениями, ибо этноним “черкасы” одно время служил для обозначения части “малороссийского” (украинского) населения. В то время получили распространение две гипотезы.

Первая гипотеза была высказана Н.М. Карамзиным в его “Истории государства Российского” и связывала появление названия “Черкасы” в Поднепровье с “Торками и Берендеями”, что имело отношение к событиям предмонгольского периода. Так, Н.М. Карамзин отмечает: “И так Козаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известно по Истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами; Козаки также. Вспомним Касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Осетинцы и ныне именуют Черкесов Касахами: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем Козаков составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем...” [Карамзин 1892а, 243]. В данном случае, если отбросить рассуждения Н.М. Карамзина относительно обстоятельств появления казачества, можно увидеть совпадение его идеи относительно связи названия “Черкасы” с торками и берендеями с фрагментом Воскресенской летописи от 1152 г. [Воскресенская... 1856, 56]. И если известен источник для Н.М. Карамзина, то неведомы нам автор и текст, послуживший основой для распространения в XVIII – начале XIX в. другой гипотезы о появлении в Поднепровье названия поселения Черкассы.

Уже В.Н. Татищев в своей “Истории Российской” попытался связать происхождение “черкасов Малой Руси” с черкесами Северного Кавказа. При этом российский историк даже указал на давнее место их обитания возле “Меотийского озера”, отметив при этом: “где ныне черкесы и пятигоры обитают, и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един” [Татищев 1969, 320]. В комментариях к данному пассажиру В.Н. Татищев, возможно одним из первых, излагает основные положения второй гипотезы: “Якобы черкесы язык славенский имеют, весьма неправо, но паче татарский с египетским смешан, так что и татара без довольного искусства разуметь не могут, но, мню, он черкас Малой Руси понимает. Оные прежде из кабардинских черкес в 14-м сте в княжестве Курском, под власть татар собравши множества сброда, слободы населили и воровством промышляли, и для многих на них жалоб татарским губернатором на Днепр переведены, и град Черкасы построили. Потом, усмотря полское беспутное правление, всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отомана избрав, все черкесы именовались. При царе Иоанне II-м, на Дон с князем Вешневским перешед, град Черкасской построили, а пятигоров разве в Литве петигорские хорунги, из поляк собранные, за оны пятигор, или бештамак, положил, мня, что и те такой же зброд, как и сии...” [Татищев 1969, 324–325, прим. 11]. Таким образом, видим, что В.Н. Татищев объединял носителей этнических названий *черкасы*, *черкесы* и *петигоры* (*бештамак*) в одно целое.

Необходимо отметить, что данная гипотеза впервые нашла свое подробное изложение в сочинении И. Болтина “Примечание на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка”, которое увидело свет в 1788 г. При этом данная гипотеза с незначительными различиями излагается дважды, в двух разделах монографии. В первый раз, в разделе “О начале запорожцев”, сказано: “В 1282 году Баскак Татарский Курского княжения, призвав Черкас из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы под именем Козаков. Разбои и грабежи причененные ими произвели многие жалобы на них; для коих наконец Олег князь Курский, по дозволению Ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии, совокупяся с Русскими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их оттуда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка не обретая там безопасности, ушла в Канев к Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок, или приличнее острожек и назвали Черкасск, по причине, что большая часть их были пороною Черкасы, как и поселения их в Курске показано” [Болтин 1788, 344–345].

В разделе “О малороссийских Козаках” И. Болтин повторяет в сокращенном виде эту легенду и объясняет, почему термином “черкасы” стали называть малороссийских казаков: “Сказано было, при описании происхождения Запорожских Козаков, что перешедшие из Курска Козаки, в исходе XIII-го столетия, по дозволению Баскака Каневского, на Днепре город Черкасской построя, жить тут остались. Живучи там, скоро они познакомились с окрестными народами, и отворили свободный себе вход всем удальцам, какого бы кто закона, рода и состояния не был... Первые Козаки, переселенцы из Курска, давно уже перевелись, как сказано выше, а места их заступили Малороссияне; однакож первобытное название Черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимостью распространили. Равным образом и имя Козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестностях Черкаска, ставшего столицею козачьих селений. Первое имя преличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их города, а последнее по образу их жизни и вооружения. Время от времени размножаясь переселенцы, невместимы стали быть в тесной окрестности Черкаска, разнесли поселения свои далее, и построили другие крепостцы для своей защиты и убежища в случае неприятельских впадений...” [Болтин 1788, 347]. Весьма характерно, что более поздние авторы повторили содержание текста И. Болтина, иногда даже просто копируя целые абзацы.

Так, в четвертом томе “Описания всех, обитающих в Российском государстве народов” И.Г. Георги встречаем знакомый текст в разделах “Запорожские козаки” и “Малороссийские козаки (бывшие)” [Георги 1799, 238, 347, 437]. В.Ф. Горленко считал, что эти разделы были написаны М.И. Антоновским. Так, легенда о переселении черкасов из Курского княжества в Поднепровье обросла новыми подробностями: “Во время обладания Татарского Россию, в 1282 г. Баскак или Губернатор Татарский в Курском княжении, призвав Черкасов из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы, под именем Козаков. Разбои и грабежи, причиняемые ими, произвели многие жалобы на них, для коих на конец Олег, Князь Курский по дозволению Ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии совокупяся с Русскими бродягами, долгое время чинили по дорогам разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их от туда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка, не обретая себе безопасности там, ушли в Канев, к тамошнему Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе Городок, или приличнее острожок, и назвали Черкасск, по причине, что большая часть их пороною были Черкасы, как выше поселения их в Курске показано. В сем новом жилище жили, как разбойникам прилично, без жен и без собственности все имея общее и похищенное. По умножении числа их, живучи там, скоро они познакомились с окрестными народами, и отворили свободный к себе вход всем удальцам, какого бы кто рода, закона и состояния не был” [Георги 1799, 238]. Как видим, этот фрагмент из “Описания всех, обитающих в Российском государстве народов” практически копирует отрывок из сочинения И. Болтина.

Это повторяется и в других фрагментах. Например, в “Описании...” воспроизводится буквально слово в слово рассказ о распространении названия *Черкас*: “Первые Козаки,

переселившиеся из Курска, естественно со временем перевелись, и место их заступили Малороссияне; однакож первобытное название Черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимость распространили. Равным образом и имя Козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестностях Черкаска, ставшего столицею козачьих селений. Первое имя преличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их Города, а последнее, т.е. Козаков, по образу их жизни и вооружения. Время от времени размножаясь переселенцы, невместимы стали быть в окрестности Черкаска, разнесли поселения свои далее, и построили другие крепостцы для своей защиты и убежища в случае неприятельских впадений...” [Георги 1799, 238]. И таких совпадений можно найти немало. Получается, что М.И. Антоновский добросовестно, практически без изменений, переписал эту легенду в “Описание всех, обитающих в Российском государстве народов” И.Г. Георги из сочинения И. Болтина “Примечание на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка”.

В вышедшем уже в 1805 г. “Словаре географическом Российского государства” эта легенда уже констатируется как исторический факт. Согласно этому тексту, в 1282 г. курский князь поселил черкесов из Бештау, или Пятигорья, в своих владениях. Отсюда они были переведены на Днепр, где эти “черкасские козаки” основали свой город и назвали его Черкасск, ибо большая их часть были черкасами [Словарь... 1805, 106]. Аналогичный сокращенный вариант легенды видим и в сочинении Д. Бантыш-Каменского “История Малой России”, которая увидела свет в 1821 г. Он считал, что город Черкассы был основан переселенцами, “в XIII столетии вызванными татарским Баскаком Курско-го княжения из Пятигорья Черкасами”. Далее он уточняет, что “занявшие их места Малороссийские или Украинские Казаки долго назывались также Черкассами, по имени своих предшественников” [Бантыш-Каменский 1821, 109, прим.].

Весьма примечательно, что в 1851 г. увидело свет сочинение А. Шафонского “Черниговского наместничества топографическое описание” [Шафонский 1851], которое, по мнению В.Ф. Горленко, было закончено уже в 1786 г. [Горленко 1982, 98, прим. 12]. Там легенда об основании г. Черкассы также представлена в версии, несколько отличной от варианта И.Болтина: “Я держу, что название козак произошло от слова Козар, что самое значит, что и Гиркан, то есть, легкий на подобие козла человек, и что Гирканы порусски названы Козары, а после переименованы в слово Козаки. Часть сих Гирканов или Черкас были Христиане, чему и поныне разваленные Христианские церкви доказательством служат; перешли в четырнадцатом столетии из Кавказских гор в Курск, а после на Днепр, и построили город, по имени своем, Черкасы, который и ныне на правом берегу реки Днепра, ниже Канева, в Польской Украине стоит...” [Шафонский 1851, 53].

В своем сочинении “Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь из какого народа оные свое происхождение имеют”, которое вышло в 1847 г., А. Ригельман повторяет информацию И. Болтина в сокращенном виде, но с измененной датой события [Ригельман 1847]. Как отметил В.Ф. Горленко, оно “было написано в 80–90-х годах XVIII в. и первоначально распространялось в рукописи [Горленко 1982, 99, прим. 13]. Предложенная А. Ригельманом гипотеза сообщает: “...в 14 столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли в княжестве Курском, под властью татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским баскаком на Днепр переведены и город Черкасы они построили, который донныне на том же месте и тем же названием именуется, состоящий на правом берегу реки оной, ниже города Канева, почему все казачество и вся Малороссия потом черкасами проименовались, а не козарами...” Кроме того, А. Ригельман считал, что запорожцы также имеют отношение к данному названию: “...а если б вести им имя особое, то следовало б называться черкасами, по пришедшим потом в Украину из Черкасской Кабарды, которые смешавшись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и донныне еще именуется” [Ригельман 1847, 5–10].

Таким образом, в историографии XVI – начала XIX в. появилось несколько легенд, объясняющих происхождение названия г. Черкассы в Среднем Поднепровье. Первая из них не встретила особой поддержки среди историков. Впервые она появилась в конце XVI в. на страницах Воскресенской летописи [Воскресенская 1856, 56] и получила

дальнейшее развитие уже в XVIII в. у Н.М. Карамзина [Карамзин 1892а, 243]. Согласно этой легенде, этноним **черкасы** появился в Среднем Поднепровье еще в XII в. и был связан с черными клобуками, т.е. торками и берендеями.

В связи с этим особый интерес вызывает следующее наблюдение Н.Г. Волковой: "...с 40–50-х лет XIII в. источники довольно часто фиксируют этнические названия Северного Кавказа словно бы сквозь призму тюркских языков, носители которых были ближайшими соседями северокавказцев. Представляется наиболее возможным, что этноним **черкес**, возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был заимствован лицами, которые посетили Северный Кавказ, а от них вошел в европейскую и восточную литературу" [Волкова 1973, 25]. В пользу тюркского происхождения этого этнонима можно напомнить, что в среде некоторых тюркоязычных народов, значительно отдаленных от Кавказа, получили распространение родоплеменные названия аналогичного типа: род **черкеш** алабугатских татар (ногайцев) в низовьях Волги, род **черкес-черкеш-серкеш** поколения бауле племени Младшего жуза казахов [Востров, Муканов 1968, 81, 106; Бушаков 2005, 83]. Кроме того, можно упомянуть и о роде **серкеш** в составе узбеков-локайцев [Кармышева 1954, 99–100]. Однако в домонгольскую эпоху этнонимы типа **черкес-черкас** ни разу не были упомянуты в письменных источниках.

Весьма примечательно, что наиболее ранние упоминания этого этнонима в письменных источниках дают именно форму **черкасы**. Так, в сочинении Плано Карпини "История монгалов", написанном в 40-е гг. XIII в., перечислены завоеванные монголами народы, где упомянуты "Чиркасы". В другом отрывке своего произведения Плано Карпини указал, что на юг от страны "Комании" рядом с аланами и хазарами Кавказа проживали "Чиркасы" [Карпини 1957, 57, 72]. Даже еще в XV в. итальянские авторы И. Барбаро и Г. Интериано продолжали использовать форму **черкасс** [Барбаро 1971, 108; Волкова 1973, 24]. Тем не менее уже с XVI–XVII вв. западные европейцы начали использовать термин **черкес** [Волкова 1973, 24]. Необходимо отметить, что в русских летописях форма этнонима **черкас** появилась раньше, чем вариант **черкес**.

Так, Патриаршая или Никоновская летопись (XVI в.) под 1319 г. о ситуации на Центральном Кавказе сообщает: "За рекою Теркой, под большими горами Ясскими и Черкасскими, в града Титякова, на реке Сивинце, близ врат железных, у болвана медного златяя главы, в Темирева богатыревой могилы" [Патриаршая Десятая... 1885, 184]. Под 1380 г. при описании состава наемников Мамайя во время Куликовской битвы среди народов упомянуты "Черкасы": "...понаймовал Бесермены, и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы..." [Воскресенская... 1856, 34; Никаноровская... 1962, 71; Сокращенный летописный свод 1493 г., 252; Сокращенный летописный свод 1495 г., 331]. Тем не менее русские летописцы, описывая события середины XV в., уже начали использовать термин **черкасы** не только для обозначения жителей Северного Кавказа. Анализ текстов поздних русских летописей позволяет считать, что с середины XV в. "черкасами" стали называть, кроме жителей Северного Кавказа, также и часть жителей Центральной Украины. Что касается термина **черкес**, то он имеет довольно позднее происхождение и связан своим появлением с османо-турецким языком. Особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидской графики давала вариант **чркс**, который турки-османы произносили как **черкес** [Радлов 1905, 1969]. Итак, учитывая факт появления турок-османов в Крыму и на Северном Кавказе в XV в. и распространение этнонима **черкес** в среде западноевропейских авторов с XVI в., можно утверждать, что западноевропейские путешественники могли позаимствовать этот вариант этнического названия именно от турок-османов. Таким образом, первоначальной формой этнического названия был вариант **черкас**, а производным от него – **черкес**.

На основании этого можно высказать предположение, что название **Черкассы** могло появиться в Поднепровье не раньше 40-х гг. XIII в. Что же касается даты Воскресенской летописи – XII в., – то А.С. Стрижак прокомментировал это следующим образом: "Проте **черкаси** як інша назва "чорних клобуків" у жодному з давніших або пізніших списків літопису не згадується. Дуже ймовірно, що це "творчість" одного з переписувачів (Воскресенський літопис складено наприкінці XVI ст., коли вже теж міркували про походження Черкас)" [Стрижак 1968, 82].

Вторая легенда была записана в середине XVI в. и имеет литовское происхождение, что, естественно, отразилось на ее содержании. Согласно ей, крепость Черкасы, как и некоторые другие поселения в Среднем Поднепровье, основал литовский князь Гедимин, который заселил черкасами из Пятигорья новую крепость с названием Черкасы, а также поселение на р. Снепород (Слепород) на противоположном левом берегу Днепра [Архивь Юго-Западной Росіи 1886, 103].

Однако если учесть, что Гедимин – Великий князь литовский – единолично правил с 1316-го по 1341 г., то получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну против галицко-волыньских князей, одержал ряд побед и в 1322 г., после успешной битвы на реке Ирпень, занял Киев с “пригородами”. Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкасы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимины на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же в данном случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет, что позволяет считать его также легендой, хотя и не лишенной определенной доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время. При этом следует отметить, что на противоположном от г. Черкасс левом берегу Днепра, на берегах реки Слепород, правом притоке Сулы, еще до сих пор существует с. Пятигорцы. А это заставляет говорить о возможной связи данного топонима с названием г. Черкасы, что согласуется с литовской легендой.

Третья легенда оформилась среди российских историков уже в XVIII – начале XIX в., т.е. тогда, когда минуло более ста лет со времени вхождения Малороссии и Кабарды в состав Московского государства. Получается, что авторы этой гипотезы стремились обосновать права России как на Украину, так и на Черкессию, если исходить из их утверждения о родственности украинцев и черкасов. В соответствии ей татарский баскак в Курском княжестве переселил черкасов (черкасов) из Пятигорья на Кавказе к своим владениям. Тем не менее эти переселенцы совершали много вреда курскому князю Олегу, и потому тот, по согласию с ханом, выгнал их из земель Курского княжества. Наконец, эти черкасы переселились в Приднепровье и основали возле Канева свою крепость Черкасы [Горленко 1982, 96–107]. При этом основание крепости Черкасы на Днестре российские историки относили к разному периоду: одни связывали это с событиями конца XIII в. (1282 г.) – И. Болтин, М.И. Антоновский, авторы “Словаря географического Российского государства”, Д. Бантыш-Каменский; другие же относили основание г. Черкасы к XIV в. – В.Н. Татищев, А. Шафонский, А. Ригельман и др.

Исследователи давно обратили внимание на то, что эти события описаны в Воскресенской летописи, но там нет ни одного упоминания о черкасах. Так, согласно тексту Воскресенской летописи, “В лето 6791 (1282). Поставлен бысть на Русь митрополит Гречин, именем Максим. Того же лета прииде из орды князь Дмитрий Александрович от царя Ногоя... Того ж лета сотворися зло во княжении Курской области: быше некто бесерменин злыхытр и велми зол, именем Ахмат, той дръжаше баскачество Курскаго княжения, откупаше бо у Татар дани всякия, и теми данми велику досаду творяше князем и всем людем в Курском княжении; еще к тому сътвори две свободы во отчине Олга князя Рылского и Ворлогского. И умножашася людеи во свободах тех, со всех сторон, сшедшася, насилеи творяху христаном, сущим Курския области, около Ворлога и около Курска сътвориша. Князь же Олег иде в орду о том с жалобою ко царю Телебузе, по думе и по слову, со сродником своим Святославом князем Липовичским; царь же Телебуга, дав приставы князю Олгу, река: “что будет ваших людеи в свободах тех, те людеи выедите в свою область, а свободы та розгонита, якоже и бысть”. И пришед князь Олег и Святослав и с Татары, и повелеша своим людем пограбити свободы те и поковати людеи их, а свои в свою отчину выведоша...” [Воскресенская... 1856, 176–177]. Как видим, разбойники, промышленявшие в Курском княжестве, не имели никакого отношения к черкасам из Пятигорья.

Дальнейшее повествование в Воскресенской летописи также ничего не говорит о

переселении разбойников Ахмата в Поднепровье. Так, летописец сообщает, что в то время Ахмат был в Орде у Ногая. Узнав об ограблении своих слобод, Ахмат оклеветал князей Олега и Святослава. В результате “Ногой разгневался, и посла рать на Олга, и повелел его изнимать, а княжение его все взять...” [Воскресенская... 1856, 177]. Расправа была жестокой – Ахмат убил бояр курских, а княжество Курское разорил. О дальнейших событиях летописец сообщает: “Сотвориша же се зло в Курске и в прочих градах тех, поидоша прочь; а Охмат остави ту два брата своя бесерменина блюсти и крепити свобод тех, сам же окоянный не сме ту жити, понеже не взыма ни единого князя, и иде в орду, дрѣжася рати Татарские...” [Воскресенская... 1856, 177]. Олег в то время бежал к “царю Телебуге”. На следующий год вернулся Святослав и отомстил Ахмату. Об этом Воскресенская летопись сообщает: “В лето 6792. Два оны бесерменина, их же остави Ахмат, идоста из свободы во свободу, в неделю Фомину, а Руси с ними боле 30 человек. Слышав же то Липецкий князь Святослав, и ста на пути с мужи своими, стерега их; а тех два брата Ахматова утекоста к Курску; а наутрени разбегостася обе свободы бесерменские...” [Воскресенская... 1856, 178]. Куда в дальнейшем ушли люди Ахмата, в Воскресенской летописи не сказано.

Таким образом, мы видим два варианта легенды, которые в ряде случаев перекликаются с рассказом Воскресенской летописи. Складывается впечатление, что А. Шафонский, А. Ригельман, придерживаясь даты XIV в., руководствовались сообщением В. Татищева. В то же время М. Антоновский, авторы “Словаря географического Российского государства”, Д. Бантыш-Каменский и другие, придерживаясь датировки “конец XIII в.”, практически повторяли текст И. Болтина. Стало быть, в российскую историографию сюжет об основании г. Черкассы на Днепре выходцами из Пятигорья ввели два историка – В. Татищев и И. Болтин. Однако кто был первым и почему такие расхождения в датировке события?

Если присмотреться внимательно к сообщению И. Болтина, то можно увидеть, что его довольно подробный рассказ представляет собой комбинацию из сообщений В. Татищева и Воскресенской летописи. Тогда не ясно, откуда В. Татищев позаимствовал этот рассказ. Складывается впечатление, В. Татищев либо использовал текст неизвестной нам летописи, либо, ориентируясь на информацию Воскресенской летописи, многое добавил от себя.

В первую очередь бросается в глаза то, что ни в одном из документов XVI–XVII вв. нет даже намек на то, что г. Черкассы был основан беженцами из Курского княжества. Однако это можно объяснить тем, что В. Татищев или его информатор были хорошо знакомы с топонимией. В XIX в. Н. Маркевич отметил на Курщине существование названий сел, содержащих этноним “черкасы”: *Черкасское, Черкасские Тишки, Черкасская Лозовая, Поречье Черкасское* [Маркевич 1859, 35]. Кроме того, современный исследователь Дж.Н. Коков отметил на территории Курской обл. и другие аналогичные названия: хут. Ново-Черкасская, хут. Черкассы, сел. Черкасская Конопелька, Черкасское Поречное и др. [Коков 1966, 156]. Безусловно, Дж.Н. Коков прав, когда утверждает, что эти названия “справедливо считаются украинизмами и занесены сюда выходцами с Украины (в XVI–XVII вв.)”. Вопрос в том, знал ли об этом В.Н. Татищев или его информатор?

Второе, что бросается в глаза, так это утверждение авторов XVIII в. и литовской люстрации середины XVI в., что к появлению данных названий, не только на Курщине, но и в Поднепровье, причастны выходцы из Пятигорья. Естественно, район Пятигорья на Северном Кавказе как в XVI в., так и в XVIII в. был известен как часть территории Черкессии. Это и могло стать основой легенд. Однако не стоит упускать из виду, что на противоположном от г. Черкасс левом берегу Днепра, на берегах р. Слепород, правом притоке Сулы, существовало с. Пятигорцы, происхождение которого так и не известно. Не исключено, что данный топоним мог появиться в Среднем Поднепровье в одно время с названием *Черкассы*. В пользу последнего могут свидетельствовать и другие сведения топонимического характера. Так, А.С. Стрижак зафиксировал в этом районе и другие аналогичные названия: “у м. Черкасах на Дніпрі одна з околиць называється Казбет”; “поселення типу Геленджик, Темрюк, Кабарта тощо” [Стрижак 1968, 83].

В-третьих, в XVIII в. официальным обозначением для адыгов был термин *черкес*, в то время как до XVII в. так обозначали не только часть украинцев, но, прежде всего,

население Северного Кавказа. Естественно, историки XVI–XVIII вв. не могли не знать об этом. Однако первое упоминание этого этнонима именно в форме *чиркасы* в сочинении Платона Карпини “История монгалов”, написанном в 40-е гг. XIII в., указывает, прежде всего, на Северный Кавказ, а не на Поднепровье или другой регион [Карпини 1957, 57, 72]. Исходя из этого, можно высказать предположение, что легенды об основании г. Черкассы в Среднем Поднепровье выходцами из Северного Кавказа могут иметь под собой историческую основу, несмотря на явные конъюктуры в текстах XVI–XVIII вв. Для доказательства этого необходим анализ этнополитической ситуации в XIII–XIV вв. не только в Северном Причерноморье, но и на Северном Кавказе.

Так, миграция адыгов-черкасов (черкесов) в Среднее Поднепровье с Северного Кавказа уже могла иметь место в первой половине XIII в., что было связано с походами монголов. Следует отметить следующее сообщение Рашид ад-Дина: “В нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г.х. [август 1237 г. – август 1238 г.], осенью Менгу-каан и выступили против черкесов [ч-р-к-с. – О.Б.] и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара...” [Тизенгаузен 1941, 37]. Стало быть, уже тогда черкесы могли, спасаясь от монголов, бежать в Среднее Поднепровье. Однако сведения Платона Карпини, который в начале 1246 г. побывал здесь, ничего не сообщают о нахождении возле Киева и Канева “Чиркасов”: “Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы, мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некому селению, по имени Канов [Канев. – О.Б.], которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан, по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренца, чтобы считались послами и чтобы явились к нему”. После этого 19 февраля 1246 г. Михей и Платон Карпини выехали вниз по льду замерзшего Днепра, и к вечеру 23 февраля они достигли первой монгольской заставы в открытой степи [Карпини 1957, 67–68]. Стало быть, поселение Черкассы могло возникнуть на правом берегу Днепра после февраля 1246 г.

Необходимо отметить, что вынужденная миграция адыгов-черкасов из Северного Кавказа в Среднее Поднепровье могла состояться уже в конце XIV в. в результате походов Тимура против Золотой Орды. Как свидетельствуют персидские историки Шами и Йезди, в конце 1395 г. войско Тимура покинуло Азов на Нижнем Дону и направилось в степи Северного Кавказа, где уже тогда жили черкесы, которые, отступая, жгли все на своем пути, чтобы лишить лошадей противника корма. Однако завоеватели успешно преодолели степь, дошли до р. Кубань и “властной рукою ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу” [Тизенгаузен 1941, 180–181]. Очевидно, это имело для черкесов катастрофические последствия, что могло привести к их уходу не только в горы, но и к бегству на земли княжества Литовского в Среднее Поднепровье. Недавние археологические изыскания в районе г. Черкассы позволяют проверить данную версию.

Так, проведенные Д.П. Куштаном в 2002 г. раскопки в исторической части г. Черкассы дали довольно неожиданные результаты относительно начала функционирования посада Черкасского замка. В 2004 г. автор раскопок по этому поводу высказался следующим образом: “Перший горизонт (XIV–XV ст.) відповідає періоду ранньої історії міста, коли воно було у складі Великого князівства Литовського. Археологічні дослідження комплексів цього періоду у Черкасах практично не проводились, тому матеріали, виявлені під час розкопок по вул. Смілянській, 2, є унікальними для вивчення історії міста та матеріальної культури його населення за литовської доби. Показовою є кераміка цього періоду – світлоглиняні горщики, потовщені краї вінця яких нагадують давньоруську традицію. Орнаментовані вони жолобчатими або хвилястими лініями на плічках, іноді – вдавленнями по краю вінця та по валику під ним. Внутрішня поверхня горщиків інколи буває вкрита зеленою поливою. Характерними для цього часу також є напівсферичні покришки з петлеподібною ручкою зверху, сковорідки-латки на ніжках, прямостінні келихи. Знайдено також два біконічних керамічних пряслиця та невеличкий тигель для виготовлення поливи. Інші знахідки представлені виробами з заліза: ножі,

окуття лопат, швачки, серпи, підкови для чобіт, вістря стріл, пряжка; свинцю: риболовна блешня; міді: орнаментована викладка, черпак-цідилка; каменю: точильні бруски, шиферне пряслице. З рогу оленя виготовлені руків'я до ножів, застібка з грибоподібними закінченнями, а з трубчастої кістки – свисток. У заповненні багатьох ям, а також котлованах споруди та житла виявлені кістки тварин, а також велика кількість луски та кісток риб” [Куштан 2004, 19–20]. На основі аналізу цих находок Д.П. Куштан зробив висновок про характер діяльності жителів Черкаського поселення: “Виявлені під час розкопок знаряддя праці свідчать про добре розвинені галузі ремісництва: гончарство, різьблення по кістці та рогу, ковальство та бронзоліварне виробництво, прядіння та швацтво. Доказом занять хліборобством та городництвом є виявлені тут знаряддя праці: серпи та окуття для лопат. Велика кількість кісток тварин свідчить про значну роль тваринництва та мисливства. Останнє також підтверджується виявленими обрізками та заготовками з рогу оленя. Чималу роль відіграло рибальство – знайдені кістки та луска риб, гачок-блешня, грузила для риболовних сіток” [Куштан 2006, 77].

Относно часу виникнення старшого шару Черкаського поселення і замка Д.П. Куштан висловився на користь того, що це слід пов'язувати з нападом кримських татар на чолі з ханом Менгли-Гиреем в 1483 г. [Куштан 2004, 20]. Однак дослідник так і не уточнив, коли виник Черкаський замок і поселення – в першій половині або в кінці XIV в.? Тем не менше відомо немало випадків, коли міста виникали на місці або поруч з більш ранніми меншими поселеннями. Таку ж ситуацію спостерігаємо на місці г. Черкаси. Так, в 1996 г. при розкопках на місці колишнього с. Василиця, яке нині знаходиться в межах сучасного міста Черкаси, було виявлено наступну картину: “...на піщаному підвищенні у заплаві Дніпра під час розвідок було виявлено могильник та поселення XIII–XIV ст. В культурному шарі виявлено фрагменти кружального посуду та досліджено одне поховання (п. № 1). Тут же знайдено значну кількість залізних шлаків, що може свідчити про існування на поселенні залізничного центру. В 1999 році автором на цій пам'ятці були досліджені ще два поховання цього ж часу (п. №№ 2 та 3). Небіжчики лежали випростано на спині, головою на захід, руки складені на животі. Поховання № 1 супроводжувалося бронзовою дротяною сережкою зі скляною намистиною” [Куштан 2006, 75–77].

Таким чином, існують підстави вважати, що на місці г. Черкаси вже в другій половині XIII – на початку XIV в. існувало неукреплене поселення з християнським населенням. Хто були ці жителі – місцевими слав'янами або вихідцями з Північного Кавказу, – поки не можна встановити. Тем не менше варто пам'ятати, що адыги, яких візантійці називали зихами, традиційно вважалися християнами. Відомо, що в Східному Причорномор'ї діяла Зихська єпархія, підпорядкована Константинопольському патріархату. За словами А.В. Гадло, перший християнський єпископ в країні зихів з'явився вже в середині VI в. Зихська єпархія як самостійна архієпископія Константинопольського патріархату продовжувала існувати і в XIV в. [Гадло 1991, 93–106]. Черкесов, або зихов, в XV в. називали грецькими християнами італійські автори Йосафат Барбаро і невідомий тосканець [Барбаро 1971, 157; Поркшеян 1957, 361–362].

Іменно це і дозволяє звернутися до фрагменту з твору Георгія Пахімера (1242 – близько 1310 гг.) “Історія про Михайла і Андроніка Палеологів”, де зихи віднесені до числа християнських народів Східного Причорномор'я. Візантійський автор, розповідаючи про діяння мятежного хана Ногая, зазначив наступне: “Ногой з Тохарцев [монголо-татар. – *О.Б.*] був людина могутня, досвідчений в управлінні і вправний в військових справах. Надісланий від берегів Каспійського моря начальниками свого народу, носивши назву ханів, з численними військами з місцевих Тохарцев, які називалися Монголами, він напав на племена, що жили на північ від Евксинського Понту [Чорного моря. – *О.Б.*], давно підкорені Римлянам [візантійцям. – *О.Б.*], але після взяття міста [Константинополя. – *О.Б.*] Латинцями і через крайню роздрібненість Римських справ відволікшись від своїх влад і керування самостійно. При першому з'явленні Ногая взяв ці племена і працював. Видячи, що завойовані землі хороші, а жителі легко можуть бути управляемі, він від-

жился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству. С течением времени соседние, обитавшие в тех странах племена, каковы Аланы, Зикхи, Готы, Руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались их союзниками на войне. От этого Тохарское племя скоро до чрезвычайности распространилось, сделалось могущественным и, по своей воле, неодолимым, так что, когда напали на него, как на племя возмущившееся, верховные его повелители, оно не только не поддалось им, но и еще множество их положило на месте” [Георгий Пахимер 1862, 317]. Стало быть, Георгий Пахимер, живший в конце XIII – начале XIV в., был современником описанных событий, и поэтому его сообщение о нахождении зихов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия. Естественно, эти зихи должны были быть сосредоточены в определенных районах Северопричерноморского региона.

Однако данное сообщение порождает ряд вопросов. Во-первых, были ли среди народов Северного Причерноморья, подвергшихся нападению Ногай, зихи или они пришли вместе с Ногаем из Кавказа? Во-вторых, не ясно, о каких зихах идет речь – об обитавших на границах с Русью в Поднепровье или об обитавших рядом с готами в Крыму?

Известно, что мятежный правитель Ногай в 60–80-е гг. XIII в. отложился от ханов Золотой Орды. В период своего расцвета улус Ногай охватывал огромные территории от Яика до Дуная [Кулаковский 1899, 66]. Естественно, в своих экспансионистских устремлениях Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Набрать войско из числа местного населения Северного Причерноморья Ногай не мог, потому что данный регион в 1242–1243 гг. подвергся нападению войск Батыя и местное население ушло отсюда. Следовательно, Ногай мог набирать войска из числа подвластных народов в восточных его владениях. Известно, что в 1262–1263 гг., во времена правления хана Берке, Ногай принимал активное участие в боевых действиях на Кавказе [Егоров 1985, 33]. Следовательно, в это время Ногай мог включить в состав своего войска из числа прочих народов Северного Кавказа и зихов и использовать их боевой потенциал в Северном Причерноморье. Если исходить из содержания сообщения Георгия Пахимера, можно полагать, что Ногай мог поселить зихов (черкасов) вдоль пределов своего улуса как в Крыму, на границах с Готией, так и на границе с Русью, в Среднем Поднепровье.

При анализе топонимических названий, возникших в золотордынское время, сложилась довольно парадоксальная ситуация – даже скептики вполне соглашались с тем, что название г. Яссы в Северо-Западном Причерноморье связано с пребыванием здесь аланов-ясов, в то время как полностью отрицается причастность северокавказских адыгов-черкасов к возникновению в Среднем Поднепровье аналогичного этнопонима *Черкассы*. Остается только спросить: где же логика?

Следует также добавить, что известно немало случаев, когда название небольшого поселения переходит на возникший на его месте город или крепость. Так могло быть и с названием *Черкассы*, которое в конце XIII в. лишь обозначало золотоордынское поселение, пограничное с Русью. Во второй половине XIV в. здесь возник литовский центр городского типа и прежнее название перешло на более крупное поселение, состоявшее из замка и посада. До ликвидации Киевского удельного княжества (в 1471 г.) Черкассы входили в его состав, а после ликвидации – в состав Киевского воеводства. С XV в. город стал центром Черкасского староства. Здесь постоянно находился староста – наместник литовского князя, а после Люблинской унии 1569 года – польского короля. Роль Черкасс как опорного пункта выросла с конца XV в., когда усилились нападения Крымского ханства на Украину. Большую роль в жизни Черкасс сыграло казачество, которое начало формироваться во второй половине XV в. По названию города Черкасс, вокруг которого селились казаки, их и стали именовать “черкасами”, а в русских документах XVI–XVII вв. “черкасами” называли уже население Центральной и Восточной Украины. Таким образом, название *черкасы* очень быстро приобрело функции этнонима. Следует отметить, что в то время появился и другой аналогичный этноним – “московит”, или “москаль”, – от названия г. Москвы. Подобных примеров, когда название административного центра приобретало функции этнонима, в истории можно найти немало. Так, в Древней Греции от названий городов возникли локальные этнонимы – афиняне, спар-

танцы, фиванцы и т.п. Таким образом, нельзя считать, что распространение этнонима **черкассы** стало следствием обычного перехода названия от одной этнической группы к другой. В данном случае ситуация выглядит более сложной.

ЛИТЕРАТУРА

- Архивъ Юго-Западной Росіи.** Ч. VII. Т. I. Кіевъ, 1886.
- Бантыш-Каменский Д.** **История Малой России.** Т. I. Москва, 1821.
- Барбаро И.** Путешествие в Тану // **Барбаро и Контарини о России.** Ленинград, 1971.
- Болтин И.** Примечание на историю древнюю и нынешнюю России Г. Лекрека. Т. I. Санкт-Петербург, 1788.
- Бушаков В.А.** Етнонім черкас (до семантичної типології етнонімів) // **Тези доповідей міжнародної наукової конференції “IX сходознавчі читання А. Кримського”.** Київ, 1–2 червня 2005 р. Київ, 2005.
- Волкова Н.Г.** **Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.** Москва, 1973.
- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).** Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Востров В.В., Муқанов М.С.** **Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.).** Алма-ата, 1968.
- Гадло А.В.** **Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения.** Ленинград, 1991.
- Георги И.Г.** **Описание всех, обитающих в Российском государстве народов.** Ч. IV. Санкт-Петербург, 1799.
- Георгий Пахимер.** **История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки.** Т. I. Санкт-Петербург, 1862.
- Горленко В.Ф.** **Об этнониме черкассы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // Советская этнография, 1982, № 3.**
- Густинская летопись // ПСРЛ.** Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Егоров В.Л.** **Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.** Москва, 1985.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ.** Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ.** Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
- Карамзин Н.М.** **История государства Российского.** Т. IV. Санкт-Петербург, 1892.
- Карамзин Н.М.** **История государства Российского.** Т. V. Санкт-Петербург, 1892а.
- Кармышева Е.К.** **Узбеки-локайцы южного Таджикистана.** Душанбе, 1954.
- Карпини Г.** **История монгалов // Карпини П.** **История монгалов.** Рубрук Г. **Путешествие в восточные страны.** Москва – Ленинград, 1957.
- Кобычев В.П.** **В поисках прародины славян.** Москва, 1973.
- Коков Дж.** **К истолкованию топонима “Черкассы” и слова “казак” // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 25. Серия филологическая.** Нальчик, 1965.
- Коков Дж.Н.** **Кабардинские географические названия.** Краткий словарь. Нальчик, 1966.
- Коков Дж.Н.** **Адыгская (черкесская) топонимия.** Нальчик, 1974.
- Кулаковский Ю.А.** **Аланы по сведениям классических и византийских писателей.** Киев, 1899.
- Куштан Д.** **Нові дослідження посаду Черкаського замку // Нові дослідження пам’яток козацької доби в Україні.** Вип. 13. Київ, 2004.
- Куштан Д.** **Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор’я і Крим у добу середньовіччя (XIV–XVI ст.).** Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам’ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006.
- Лавров Л.І.** **До питання про українсько-кавказькі культурні зв’язки // Народна творчість та етнографія, 1961, № 3.**
- Маркевич Н.** **О козаках // Чтения Московского общества истории и древностей российских.** Москва, 1959.
- Никаноровская летопись // ПСРЛ.** Т. XXV. Москва – Ленинград, 1962.
- Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ.** Т. X. Санкт-Петербург, 1885.
- Поркшеян Х.А.** **К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ.** Т. XIII. Нальчик, 1957.

- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905.
- Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и ее народе. Ч. 1. Москва, 1847.
- Словарь географический Российского государства.** Ч. IV. Москва, 1805.
- Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва – Ленинград, 1962.
- Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва – Ленинград, 1962.
- Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. Москва, 1980.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. Москва – Ленинград, 1969.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Москва – Ленинград, 1941.
- Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Ленинград, 1977.
- Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. II–I. Москва, 1977.
- Шафиев Н.Л.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968.